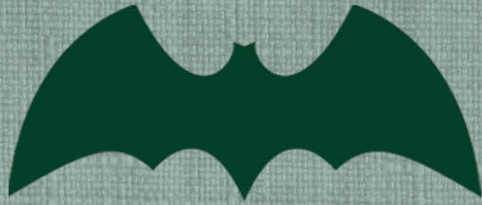

СЕРГЕЙ
САМАРОВ

СПЕЦНАЗ ГРУ

ДОЛГ

С ГЛУШИТЕЛЕМ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров
Долг с глушителем

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Долг с глушителем / С. В. Самаров — «Эксмо»,
2019 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-04-107558-3

На улице провинциального города совершено покушение на бывшего майора спецназа ГРУ Сергея Васильева. В неравной схватке майору удается уничтожить троих налетчиков, после чего его задерживает полиция. Личностью Васильева заинтересовалась ФСБ. Контрразведчики подозревают в задержанном спецназовце известного киллера, находящегося в международном розыске. Похоже, он сделал пластическую операцию и по чужим документам вернулся на родину, чтобы довершить незаконченное когда-то кровавое дело...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-107558-3

© Самаров С. В., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Васильевич Самаров

Долг с глушителем

© Самаров С.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Глава 1

Сергей Тимофеевич Васильев, отставной майор спецназа военной разведки, уже довольно давно, с тех пор как вышел на пенсию, носил гражданскую одежду. Правда, она слегка отдавала духом армии. Чаще всего это был обыкновенный камуфляж. Даже если он и мялся, то со стороны это было незаметно. Иногда он надевал обыкновенные джинсы и камуфлированную куртку поверх гражданской же рубашки.

В память о своих боевых буднях Васильев обычно носил в подмышечной кобуре наградной пистолет. Этот бывший спецназовец без оружия чувствовал себя так же неудобно, как кошка на доске под парусом в открытом море. Хотя за четыре года гражданской жизни его пистолет покидал кобуру лишь для чистки и смазки. Ни разу не возникала конфликтная ситуация, которая потребовала бы применения оружия. А принципы бойца спецназа Сергей Тимофеевич помнил хорошо. Если ты достал пистолет или любое другое оружие, то должен его применить, иначе и прикасаться к нему не стоит.

За четыре года всякое случалось, конечно. Но Сергею Тимофеевичу всегда хватало боевой подготовки. Он мог справиться с конфликтной ситуацией, не прикасаясь к оружию.

Однажды на дороге Сергей Тимофеевич не сразу уступил проезд мордатому парню на роскошном «мерине». Тот обогнал «двадцать первую» «Волгу» Васильева по встречной полосе, заблокировал ее тяжелым телом своего автомобиля и вышел на дорогу с бейсбольной битой. Тут кто-то мог бы и за пистолет схватиться или даже за сердце.

Васильев же не сделал ни того, ни другого. Он прекрасно понимал, что бейсбольная бита в неумелых руках оружием вообще не является. Сергей Тимофеевич быстро шагнул к парню в то время, когда тот замахивался битой, и толкнул его ладонью в правое плечо. В результате бита разбила стекло в задней дверце «мерина». Мордатый тип повернулся к Васильеву спиной, при этом наклонился, но все же пытался задрать голову.

Добивать его Васильев не планировал, но рука сработала сама. Удар основанием ладони пришелся чуть ниже затылка и обеспечил этому типу как минимум серьезное сотрясение мозга. Парень рухнул, ударился лицом о заднее колесо своей машины и лежал без движений. Он, видимо, надеялся, что его, такого беспомощного, не будут пинать ногами, что обычно бывает достаточно больно.

Сергей Тимофеевич спокойно перевел дыхание, которое по большому счету и сбиться не успело, вернулся в свою машину, объехал «мерина» по соседней правой полосе и спокойно продолжил свой путь. Только через двести метров он увидел, как по встречной полосе несется к месту происшествия машина дорожно-патрульной службы с включенными спецсигналами.

Вообще-то Васильев всегда считал себя законопослушным человеком. Но в этот раз ему было просто лень искать место, где можно развернуться, чтобы поехать в обратную сторону и дать показания ментам. Но если они едут, значит, кто-то их вызвал, дождется, возможно, просто из любопытства, и всю ситуацию им обрисует. Виновный здесь налицо. К приезду машины ДПС этот мордатый тип еще, скорее всего, будет не в состоянии уехать.

Мер самозащиты Васильев не превышал. Искать его нет никакого смысла. Если кого-то и будут наказывать, то только водителя «мерина». Водить в машине бейсбольные биты не запрещено, хотя держать их рекомендуется в багажнике, а не в салоне. Но вот попытка применения спортивного инвентаря в качестве оружия уже рассматривается как уголовное деяние и может быть наказуема, если только у мордатого парня нет хороших связей в ментовке или в какой-нибудь самой захудалой администрации.

В тот раз все обошлось без последствий. Сергея Тимофеевича никто не искал, в том числе и сам пострадавший. С того момента прошло более трех лет, и Васильев уже начал забывать о таком незначительном происшествии.

Потом был случай в супермаркете, где стояла куча кассовых аппаратов, но работали только два или три, и к ним тянулись громадные очереди. Сергей Тимофеевич честно ждал. До кассира оставались две старушки, набравшие по полной корзине и выкладывающие свой товар на движущуюся ленту.

Тут четверо юнцов лет по восемнадцать-двадцать, набравшие полные руки бутылок с пивом и вином, пожелали проигнорировать очередь и, всех расталкивая, прошли сразу к кассиру. Очередь зароптала, заизвивалась змеей. Кассирша растерялась, не решилась вступить в конфликт с такими наглыми покупателями. Не захотели вмешиваться и двое охранников. Они стояли на выходе и внимательно наблюдали, не положит ли какая-то старушка в карман паке-тик корма для своего голодного кота – обычный уровень охраны в подобных заведениях.

– А ну, молодежь, быстро в очередь! – дал команду Васильев.

– Мы спешим, – буркнул в ответ высокий и, видимо, самый старший из них.

– В очередь, я сказал!

– Тебе что, дед, больше всех надо? По башке давно не получал?

Этот парень еще не понимал, что за свои слова в жизни приходится отвечать.

– Как не стыдно так со старшими разговаривать! – сказала женщина из середины очереди.

Сергей Тимофеевич, как человек по-военному прямолинейный, разговаривать и убеждать в чем-то юнцов не стал. Он просто сделал шаг вперед, взял парня за шиворот и резко, чуть не оторвав у куртки капюшон вместе с воротником, толкнул его назад, в конец очереди. Остроносая старушка, стоявшая позади отставного майора и похожая на мультяшную Шапокляк, то ли от растерянности, то ли от желания заслужить одобрение подставила этому хлыщу подножку. Тот растянулся и уронил бутылки, две из которых разбились.

Парни торопливо поставили свои покупки перед кассиром и все вместе бросились не на старушку, а на Васильева. Тот закрылся тележкой с товаром и над ней нанес несколько прямых встречных ударов. При этом он успел заметить, что пара охранников посчитала наконец-то необходимым вмешаться. Со стороны бежали еще трое. Да и пожилые женщины, стоявшие в очереди, стали бить парней сумками.

Поганцев, не ожидавших такого отпора, быстро скрутили и увели в комнату охраны. Когда Васильев расплачивался в кассе, туда пробежали четверо полицейских. Все разбирательство опять каким-то образом обошлось без Васильева, хотя он не скрывался и ствол из кобуры не доставал.

Однако отставной майор ходил по городу с пистолетом под мышкой. Словно какая-то гадалка предсказала ему, что случай скоро действительно подвернется.

Непонятное дело началось в один из погожих весенних дней. Солнце припекало почти по-летнему, и сугробы стремительно оседали на газонах. Сергей Тимофеевич по какой-то прихоти не пожелал ехать на машине к своему куратору, у которого первые пять лет после отставки обязан был отмечаться ежемесячно, а потом вдвое реже, причем уже и телефонным звонком. Настроение у него было весеннее. Васильев шел по улице и внутренне улыбался сам себе, тогда как лицо его оставалось, как и всегда, серьезным и сосредоточенным.

Но вдруг у отставного майора сработала интуиция. Только никогда не воевавшие люди уверены, что предчувствие опасности – это выдумки разного рода любителей потусторонних эффектов, всяких магов, колдунов, гадалок, ясновидящих и прочих экстрасенсов. Сергей Тимофеевич прошел две чеченские войны, участвовал во множестве боевых операций в других регионах Северного Кавказа и прекрасно понимал, что просто так такое не приходит. А уж если оно появилось, то жди реальной опасности, даже не зная, в каком виде она к тебе пожалует – кусок льда с крыши, машина, вылетевшая на тротуар, или еще что-то.

Отставной майор переходил дорогу и обратил внимание на темно-синий «Гелендваген», стоявший на светофоре. Задние стекла машины были тонированы, а передние оставались чистыми.

В бытность свою на Северном Кавказе Васильев командовал отрядами спецназа ГРУ, порой даже сводными, состоящими из подразделений, собранных из разных бригад. Если при входе в какое-то ущелье ему казались подозрительными какие-то заросли, то он отдавал приказ пулеметчикам обстрелять эти кусты, выкосить их напрочь, и чаще всего оказывался прав. Из кустов, торчавших на склоне, вываливалось несколько тел бандитов. Там отряд поджидала засада.

Сейчас ощущение было схожим, но под командованием Сергея Тимофеевича не было пулеметчиков. Это задачу усложняло, но не делало его беспомощным.

Васильев перешел дорогу и двинулся дальше по тротуару. На троллейбусной остановке он задержался за спинами людей и позволил себе оглянуться. Мощный внедорожник стоял во втором ряду из трех, но все же повернул направо, за ним. Видимо, люди, находящиеся в автомобиле, были знакомы с маршрутом, которым должен был идти отставной майор. Они думали, что он перейдет одну дорогу, повернет налево и пересечет другую. Но Сергей Тимофеевич двинулся прямо. Водителю внедорожника пришлось пропустить несколько машин из первого ряда, а потом, в нарушение правил дорожного движения, совершить поворот сразу из второго. Ему еще повезло. Никто не ехал быстро в первом, самом правом ряду.

Васильев прошел около пятидесяти метров, однако сумел увидеть, как засуетился человек на правом переднем сиденье. Он явно пытался отыскать его глазами.

К остановке подошел троллейбус. Народ двинулся на посадку. Можно было бы точно так же, как и раньше, спрятаться за чужими спинами, зайти в троллейбус и проехать одну или несколько остановок, чтобы проверить, в самом ли деле люди, сидящие в «Гелендвагене», ищут его. Но Сергей Тимофеевич плохо знал город, в котором поселился после отставки, и не представлял, сколько людей может оказаться, скажем, на следующей остановке, через одну или две. Он чувствовал опасность.

Чутье его никогда не подводило. Опасность несла за собой выстрелы. А майор Васильев был не из тех людей, кто будет прятаться за чужие спины, подставлять никого не желал. Поэтому он просто спокойно пошел по тротуару. Троллейбус с остановки ушел почти полный. «Гелендваген» тоже двинулся дальше.

Тут люди из внедорожника его увидели. Спереди рядом с водителем кто-то сидел. Сколько человек было сзади, разобрать не удавалось. Тонированные стекла создавали в глубине автомобиля мрак. Там только три места. Еще один человек может расположиться в багажнике. У этого внедорожника он довольно большой. Оттуда можно стрелять не только из автомата, но даже и из пулемета.

Все это Сергей Тимофеевич просчитывал, идя по тротуару спиной к преследователям и уже не поворачиваясь. Он был уверен, что стрелять в него прямо сейчас никто не станет. Сначала эти люди должны поравняться с ним и что-то крикнуть, чтобы он понял, за что они пытаются его уничтожить. Так говорила логика. Может быть, ему напомнят имя какого-то бандита, ликвидированного им. Это значило бы, что след ведет на Северный Кавказ.

Но та же самая логика подсказала Васильеву, что расстреливать его кто-то намеревался без причины. В бригаде никто не знал, куда именно уехал жить бывший начальник штаба одного из батальонов. Он выбрал этот город совершенно случайно. Даже не сам. Это сделала его жена. Здесь была работа для нее, театрального костюмера. Сергей Тимофеевич представить себе не мог, что стало причиной охоты на него.

Осознав это, он резко обернулся, посмотрел в сторону «Гелендвагена» и сделал это как раз вовремя. Подсознание опять не подвело отставного майора. Именно в этот момент внедорожник притормозил, но не остановился полностью, и с заднего сиденья один за другим выпрыгнули на дорогу два автоматчика. Дверцу они оставили распахнутой.

Для этого, как сразу просчитал ситуацию Васильев, могло быть две причины. Согласно первой, по нему мог стрелять третий пассажир с заднего сиденья. Согласно причине второй, огонь мог вести человек, находящийся в багажнике.

Глаза отставного майора сами собой, не дожидаясь команды, нашли самое толстое дерево на газоне. Ноги тоже сработали на автомате и совершили скачок за это дерево. А рука, опять же не дожидаясь приказа мозга, выхватила пистолет. Первый выстрел грохнул раньше, чем раздалась автоматная очередь. Один из парней, торчавших на дороге, сразу откинулся на спину с простреленной головой. Значит, Васильев просчитал все правильно.

Вторая очередь ударила с заднего сиденья внедорожника. Ствол, лишенный пламегасителя, мазанул из мрака кабины ярким огненным сполохом. Следующую пулю отставной майор послал именно туда, в автомобиль и отчего-то, ничего не видя, сразу понял, что попал в автоматчика.

Там же, в плавно движущейся машине, Васильев заметил движение за задним сиденьем. Оттуда поднимался ствол крупнокалиберного пулемета и бессовестно высовывался из дверного проема. Именно туда, прямо сквозь кузов машины под стеклом, и послал Сергей Тимофеевич еще три пули. Будь внедорожник бронированным, они не смогли бы пробить кузов, а тут сделали это. Пулеметный ствол уперся в потолок салона, и Васильев понял, что его выстрелы достигли цели.

Остался только автоматчик на дороге, в которого стрелять сразу не было возможности, потому что от крупнокалиберного пулемета не смогло бы спасти и толстое дерево. Мощные пули просто перерубили бы его.

Водитель «Гелендвагена», похоже, понял неудачность попытки покушения и резко прибавил хода. Автоматчик, оставшийся в одиночестве на дороге, вместо того чтобы продолжать стрелять в Васильева, побежал за машиной. Он что-то истошно кричал, словно не понимал, что стал теперь отличной мишенью для пистолета отставного майора. Этот парень понял, подельники его бросили, встал на одно колено и дал несколько коротких очередей по «Гелендвагену». Пули пробили заднее стекло и попали, видимо, в водителя. Машина вдруг резко свернула, просадила на скорости талый жесткий сугроб и врезалась в дерево, стоявшее на газоне.

С переднего пассажирского сиденья выскочил мужчина среднего роста и в несколько быстрых прыжков скрылся в промежутке между домами. Васильев не стал стрелять в него, потому что за беглецом шла компания молодых парней. Малейший промах мог лишить жизни кого-то из них. С нескольких сторон уже слышались сирены полицейских машин. Но отставной майор потерял время, пока следил за «Гелендвагеном».

Автоматчик бросился на противоположную сторону дороги. Он был в бронежилете, и стрелять можно было только по ногам или в голову. Сергей Тимофеевич стал тщательно прицеливаться, однако поле зрения ему перекрыла большегрузная фура, которую тут же обогнал полицейский «уазик». Бандиту уже некуда было деться. Когда фура проехала мимо, Васильев увидел, как двое ментов заламывают автоматчику руки за спину. Третий наставил на него автомат и стволом придавил голову к асфальту.

Потом менты подъехали и к отставному майору. Они сразу наставили на него автоматы, словно он и им угрожал выстрелом, хотя ствол его пистолета смотрел в землю.

– Бросай оружие! – благим матом заорал двухметровый детина в бронежилете, подойдя так близко, что в него можно было бы плевком попасть, не то что пулей. – Стрелять будем!

– Ты смотри воробья не подстрели. У тебя, кстати, автомат на предохранителе, – спокойно ответил Сергей Тимофеевич, слушая при этом, как испуганно чирикает воробей, сидящий на проводе над его головой.

В ответ раздался непонятный смех. Молчал только этот детина.

Васильев не стал бросать оружие ни в сугроб, ни на асфальт. Он просто молча сунул пистолет в подмышечную кобуру и тут же достал из кармана куртки паспорт. Под его обложку

из тисненой натуральной кожи была вложена выписка из приказа о награждении майора спецназа ГРУ Сергея Тимофеевича Васильева пистолетом Макарова. Затем отставной майор вытаскивал и лицензию на право ношения оружия, зарегистрированную в районном отделе полиции, по месту постоянного проживания. Здесь, правда, был другой район, но ментам это было не важно. Они стали рассматривать бумаги.

– Паспорт! – потребовал двухметровый старший сержант, первым прочитавший выписку из приказа и передавший ее товарищам.

К ним подъехал полицейский «Форд», из которого вышел седовласый полковник с топырящимися усиками.

Он козырнул и представился:

– Заместитель начальника районного отдела внутренних дел по оперативной работе полковник Воробей.

Васильеву стала понятной причина смеха ментов, хотя он имел в виду птицу, а вовсе не полковника. Но сам отставной майор смеяться не стал, только машинально козырнул в ответ, хотя и был не в форменной одежде.

– Отставной майор Васильев, спецназ военной разведки, – назвалса он и протянул свои документы.

– Не будем здесь разбираться. Поехали в райотдел, товарищ майор.

– Убитых куда, товарищ полковник? – спросил двухметровый старший сержант.

– В райотделе собственного морга, как ты знаешь, нет. У меня в кабинете – тем более. Сейчас бригада следственного комитета прибудет, я уже звонил. Место действия пока оцепите, чтобы не затоптали следы. Они скажут, что с убитыми делать. Много их?

– Четверо, – ответил старший сержант.

– И всех вы завалили? – с удивлением спросил полковник у Васильева.

– Нет, я только троих, товарищ полковник. Одного, водителя «Гелендвагена», положил свой же автоматчик, которого они бросили.

– Но и троих, имея против них только пистолет – это тоже здорово. Хорошо стреляете!

– Да, еще что-то умею, навык не потерял.

– Леня Садовников тоже стрельбой увлекался, – заметил вдруг полковник и пристально, как-то неприятно посмотрел на Васильева, словно рентгеновским аппаратом его просвечивал. – Сдайте оружие и позвольте надеть на вас наручники, товарищ майор.

Васильев без видимого удовольствия передал пистолет полковнику, а двухметровый старший сержант с непонятной радостью нацепил на отставного майора наручники.

– А это зачем? – с усмешкой поинтересовался Сергей Тимофеевич.

– Так полагается, – ответил полковник Воробей. – Садитесь в машину. Сержант, с нами!

Ехать им было недолго. Райотдел располагался на старой улочке, почти напротив современного здания областной прокуратуры и следственного комитета.

Машина остановилась на улице. Через двор они прошли пешком. Полковник сразу зашел в «аквариум» дежурного и стал куда-то звонить.

Но перед этим он приказал старшему сержанту:

– Задержанного к моему кабинету! У двери подождите. Я быстро.

Ждать и в самом деле пришлось недолго. Полковник пришел, едва Сергей Тимофеевич успел усесться на стул.

Воробей открыл дверь своим ключом, жестом пригласил Васильева за порог и сказал старшему сержанту:

– Подожди в коридоре. Далеко не отходи.

Отставной майор спецназа военной разведки начал понимать, что все не так просто с его задержанием. Как и с покушением. Эти события как-то связаны между собой.

– Леонид, ты нас всех за дураков держишь? – спросил вдруг Воробей.

– Вы меня с кем-то путаете, – спокойно ответил Васильев.

– Я тебя ни с кем не путаю. Я отлично помню, как ты из окна моего кабинета выпрыгнул, когда там еще решетки не было. Сейчас этот номер не пройдет.

– Тогда я себя с кем-то путаю, – все так же спокойно проговорил Сергей Тимофеевич. – Это тоже бывает.

– Вот-вот, опять шутикуешь! – Серые усики полковника стали топорщиться сильнее, глаза готовы были выкатиться из орбит.

– Не вздумайте меня ударить, товарищ полковник, – не теряя самообладания, заявил Васильев, наслышанный о методах разговоров в ментовке. – Я вам этого не прощу. Долго потом жалеть будете. Сначала в больничной палате, а потом и в камере.

– Ты меня еще и пугать будешь! Да будь ты настоящий майор, никогда не посмел бы со старшим по званию так разговаривать! Это еще одно доказательство.

– А кто здесь старший по званию? – спросил Васильев. – У вас оно служебное, у меня армейское. Если бы генерала МВД призвали в армию, то ему вполне могли бы сразу же даже звание ефрейтора присвоить. В знак уважения к предыдущим погонам. А о полковнике МВД я уж лучше промолчу. У меня в батальоне пусть не сами полковники, а их сыновья туалеты часто драили. Чтобы нос не задирали. Приходилось им объяснять, что звания отцов в армии ничего не значат.

– У меня сын в спецназе ВДВ служит, – с гордостью проговорил полковник Воробей. – Старший лейтенант.

– Бывали у нас контакты и со спецназом ВДВ. Я сам отправил туда нескольких бойцов дослуживать. С нашими нагрузками они справиться не могли. Потом узнавал, что там эти ребята были одними из лучших.

– Не забалтывай меня, Леня!

– В конце-то концов, если вы меня с кем-то путаете, можете отпечатки пальцев снять. Это доказательство.

– В том-то и беда, что твоих отпечатков ни в одной картотеке нет, и ты сейчас этим пытаешься воспользоваться. Но теперь мы их с тебя снимем, не переживай.

В этот момент в дверь постучали. Не дождавись приглашения, в кабинет стремительно вошел человек в штатском, тоже основательно седой, как и полковник Воробей, только не имеющий щегольской щеточки усов. За ним держался мужчина в белом халате и с чемоданчиком, на котором сияла медицинская символика – белый круг с красным крестом посередине.

Человек в штатском держал в руке несколько листов принтерной распечатки.

Он показал один из них майору в отставке и спросил грубо, с вызовом:

– Кто это?

Сергей Тимофеевич увидел человека в плавках, стоявшего на палубе яхты. За плечами этого субъекта виднелись пальмы, тянущиеся вдоль берега.

Он пожал плечами и произнес:

– Похож слегка на меня. Только я не помню, чтобы так вот фотографировался, хотя на море бывал. Да и на яхтах не плавал, пальм таких на берегу не видел. Не до того было. Служба, понимаете ли.

Человек в штатском показал ему вторую фотографию, цветную.

– А это кто?

– Понятия не имею.

– Осмотрите его, – предложил человек в штатском своему спутнику в медицинском халате.

Тот достал из чемоданчика латексные врачебные перчатки, неторопливо, со вкусом натянул их на руки, после чего стал неторопливо ощупывать лицо и голову Васильева.

– Это что? – спросил он, сильно надавив двумя пальцами на шрам за ухом.

Тот был старым и не болел, хотя нажатие сильных пальцев приятных ощущений не вызывало.

– Осколком шарахнуло. Лет, кажется, пятнадцать назад, а то и все восемнадцать. Точнее не скажу, даже если пытаться будете. Давно это было. Мы тогда считали за слабость голову прикрывать, стальные шлемы презирали, носили вместо них банданы. Когда это случилось, повторяю, не помню. Надо в медицинской книжке смотреть. А она в госпитале для ветеранов боевых действий.

– Да, похоже на то, – проговорил медик.

Полковник Воробей подскочил сбоку с цифровым фотоаппаратом и несколько раз сфотографировал шрам.

– Шрам очень старый, – продолжил медик. – Но следов пластической операции, товарищ полковник, я не нашел. Они обязательно остались бы. Этот человек пластической операции не подвергался. Могу говорить уверенно.

Человек в штатском от такого утверждения потерял всю свою прежнюю энергию. Даже плечи у него обвисли, глаза стали водянистыми и потухшими.

– Чем вы можете подтвердить свою личность? – спросил он Васильева.

– Документами.

– Документы сейчас кто угодно сделать может. Были бы деньги.

– Тогда люди могут подтвердить. Пригласите моего куратора, в конце-то концов.

– За вашим куратором уже послали машину. Сейчас его привезут. – Человек в штатском подошел к окну и потряс лучеобразную решетку на нем, словно проверял ее на прочность. – У вас, товарищ майор, есть фотографии времен службы?

– Обязательно. Даже те, где я еще в курсантах хожу. Дома целый альбом. И жена может подтвердить. Только она сейчас на работе.

– Где она работает?

– Костюмером в драматическом театре. У нее сегодня примерка.

– Думаю, надобности в ней не возникнет, – сказал человек в штатском. – Разрешите представиться. Заместитель начальника областного управления ФСБ полковник Соловей. Только, пожалуйста, давайте без шуточек про птичье царство. – Он бросил взгляд на полковника Воробья, но тут же заспешил к окну. – Кажется, наша машина приехала. У нее дизелек особо постукивает. Точно, она и есть. Куратора ГРУ привезли. Сейчас все выяснится.

Выяснилось все через две минуты. Они потребовались возрастному куратору на то, чтобы, опираясь на свою неизменную барскую трость, подняться на второй этаж, костяным инкрустированным набалдашником той же трости постучать в дверь, вежливо дожидаться приглашения и потом только войти.

– Извините, товарищ генерал-лейтенант, – начал полковник Соловей петь слащавым голосом.

Отставной майор Васильев только от него и узнал звание, которое носил его куратор. Он слышал, что эту должность, как правило, занимают бывшие агенты-нелегалы, получившие приказ на возвращение домой, подозревал, что его интеллигентнейший куратор – человек не простой и в высоком звании, но не думал, что он генерал-лейтенант. Такие звания в военной разведке люди получают редко. Там даже командующий спецназом носит звание полковника.

– У нас возникла необходимость в опознании человека, который утверждает, что он отставной майор спецназа военной разведки. Вы можете подтвердить личность майора Васильева?

– Конечно. И даже безоговорочно.

– А вот это кто, вы не скажете? – Полковник показал куратору ту фотографию, которую первой демонстрировал Сергею Тимофеевичу.

– Не берусь судить. Но схожесть с майором Васильевым очевидная. Не знаю, как насчет телосложения. Мне кажется, что майор Васильев должен быть развит физически куда лучше. Просто в силу специфики своей службы.

– Продемонстрировать? – спросил Сергей Тимофеевич и встал.

Тут в кабинет ворвался двухметровый старший сержант, оставшийся в коридоре.

– Извините, товарищ полковник, – обратился он к Воробью. – Я, кажется, потерял ключи от наручников. Разрешите проверить задержанного.

Полковник Воробей ответить не успел, потому что отставной майор протянул два ключа на колечке старшему сержанту. Тот схватил их. В этот момент наручники непонятным образом слетели с рук Васильева и защелкнулись на запястьях старшего сержанта.

– Выйди в коридор, там сними наручники. Впредь думай, каким боком в машине садишься к задержанному, – наставил старшего сержанта отставной майор и подтолкнул его к выходу.

Тот послушно вышел, хотя перед этим посмотрел на ментовского полковника, который согласно кивнул, подтверждая приказание, отданное посторонним человеком.

Сергей Тимофеевич тут же снял куртку и рубашку, все это аккуратно развесил на спинке стула и предстал перед людьми, собравшимися в кабинете, по пояс голый. Все его тело состояло из мышц, скрученных узлами, словно веревки. При этом Васильев даже не напрягся.

На морской яхте явно фотографировался не он. Теперь это мог сказать каждый. Человек на фотографии тоже был атлетом, но не настолько тренированным, как Васильев.

– Так кто там, на фотографии? – спросил Васильев полковника Соловья, понимая, что теперь пришло его время задавать вопросы.

Полковник стал отвечать так обстоятельно, словно его спрашивал генерал-лейтенант:

– Это весьма серьезный человек, киллер не просто по профессии, но, как говорят, по призванию. Свою работу он любит и уважает, специалист самой что ни на есть высокой квалификации, убрал уже больше десятка воров в законе и уголовных авторитетов. Родом из нашего города. Именно здесь этот тип не сумел выполнить свой последний заказ. Его задержал полковник Воробей. Тогда в кабинете не было еще решетки на окне, и Садовник, иначе говоря, Леонид Садовников сумел каким-то образом снять наручники, как вы сегодня, и убежать. К сожалению, полковник Воробей не смог ему помешать в силу своей физической несостоятельности.

– Он же мастер спорта по боевому самбо, не раз участвовал в соревнованиях по кикбоксингу, – попытался оправдаться Воробей. – Да, у меня не хватило навыков, не смог я с ним справиться. Пистолет он у меня отнял, разрядил и в угол забросил, а патроны с собой забрал.

Соловей продолжил:

– К тому времени Садовник был уже известной личностью. Чуть позже он сделал первую пластическую операцию. Мы смогли это отследить, к сожалению, только задним числом, с опозданием, но имеем промежуточную фотографию, знаем, как он стал тогда выглядеть. Через год с небольшим на Кипре была сделана еще одна операция, и он стал похожим на вас один к одному. К счастью, Интерпол задержал пластического хирурга. У него были изъяты фотографии пациента до операции и после, когда шрамы уже зажили. Эти данные переслали нам.

– С лицом понятно, – проговорил куратор. – А рост?...

– Рост у Садовника примерно одинаковый с товарищем майором. Кажется, сто восемьдесят девять сантиметров, – ответил полковник Соловей.

– У меня сто восемьдесят пять, – сказал Сергей Тимофеевич.

– Да, видимо, у Садовника была откуда-то фотография вашего лица. Только его. Оно ему показалось симпатичным, и он захотел иметь такое же. Вспомните, где могла быть ваша фотография. Как она могла попасть в руки Садовника, – продолжил полковник ФСБ.

– Вспоминать здесь нечего, – сказал Васильев. – Цветная фотография в журнале «Солдат удачи». Выпускается он специально для наемников, в том числе и на русском языке. Однажды там про меня статья вышла, хотя я к таким людям никакого отношения не имел. Там, в журнале, я в форме стою перед строем, только лицо открыто.

– Ну вот!.. Садовник интересуется всем подобным. Видимо, и журнал этот покупает. Но я продолжу. У нас есть точные данные, что Садовник намеревается приехать в наш город, чтобы уничтожить уголовного авторитета Говоруна – Петра Николаевича Говоркова, который сегодня совершил покушение, как он предполагал, на Леонида Садовникова. Сам Говорун сидел на переднем сиденье машины и сумел благополучно убежать от киллера, который, к нашему удивлению и счастью, его не узнал.

Отставной майор спецназа военной разведки пожал плечами и проговорил:

– При чем тут счастье? Что здесь страшного? Убьет этот Садовник еще одного уголовного авторитета, и что с того? Простым людям легче будет жить.

– Не все так однозначно, – сказал полковник Воробей. – Мы сегодня сами могли бы поймать Говоруна или застрелить его при попытке к бегству. Но тогда в городе объявится новый полный хозяин, еще один уголовный авторитет. Это некто Сергей Юрьевич Афанасьев или просто Афоня, уголовный авторитет. Если не станет Говоруна, он устроит в городе большой передел собственности. Начнется война, будут многочисленные жертвы среди посторонних лиц, возвращение, по сути дела, в девяностые годы. Не имеем мы права этого допустить.

– Этот самый Афоня и заказал Говоруна? – спросил Васильев.

– Сергей Юрьевич, ныне депутат областного законодательного собрания, клялся матерью и божился лично мне, что он здесь ни при чем. Хотя Говорун этому не верит, – ответил полковник Соловей, который в силу своего положения, конечно же, был вхож в высокие областные структуры.

– Сложная у вас ситуация, – заявил куратор. – Однако меня, скажу честно, больше беспокоит судьба моего подопечного. Если его несколько дней вели люди Говоруна, а это обязательно было при подготовке к покушению, то они, скорее всего, знают даже, где он живет. Это очень опасно. Значит, следует принимать какие-то конкретные меры. Надеюсь, у вас есть предложения?

– Предложение есть у меня, – внезапно сказал отставной майор спецназа военной разведки. – Надеюсь, товарищи полковники мне помогут.

– Что нужно сделать? – одновременно спросили тот и другой.

– Мне самому необходимо встретиться с Говоруном, – заявил Васильев категорично.

– Это кратковременный выход из положения, – проговорил полковник ФСБ. – Хотя даже лучший, чем спрятать вас временно на конспиративной квартире. Думаю, мы сможем вам помочь.

– А почему он только кратковременный? – осведомился Сергей Тимофеевич.

– Потому что настоящий Садовник все равно объявится и убьет Говоруна.

– Тогда мне необходимы все данные на Садовника.

– Что вы задумали предпринять, товарищ майор? – обеспокоенно спросил полковник Соловей.

Вероятно, он имел собственное мнение о данной ситуации и не желал, чтобы она развивалась по чьим-то иным, отличным от его, планам.

– Еще сам не знаю. Какая-то мысль в голове вертится. Я подумаю и сумею ухватить ее за хвост. У меня такое уже случалось. Появляется что-то в голове или даже где-то над ней. Сперва не могу сообразить, потом, когда бросаю об этом думать, мысль сама в голову приходит.

– Досье на Садовника я вам сегодня же предоставлю. Полное. А полковник Воробей договорится с Говоруном, чтобы он вас принял. Они знакомы, и ему легче общаться с авторитетом, чем мне.

– Если вы надумали ликвидировать и Говоруна, и Афоню, то я буду против, – заявил полковник Воробей. – Это, конечно, выход, но тоже кратковременный. На их место встанут помощники, на которых мы не имеем влияния, и война в городе разгорится ярким пламенем. Будут задействованы многие мелкие группы. А они никакому контролю не поддаются.

– Нет, я понимаю, что это не выход. Сама по себе мысль, возможно, и дельная, особенно если она встанет в ряд других мероприятий, направленных на захват людей и вооружения той и другой стороны, – высказался отставной майор спецназа. – У меня что-то другое в голове вертится, и это напрямую связано с Садовником.

– У вас будет время сообразить, пока вы будете изучать его досье. Там собраны материалы со всей России, со всех мест, где киллер успел отметить. Мне стоило большого труда убедить коллег поделиться фактами. Особенно почему-то москвичи упирались. А в столице он крупно, с резонансом отметился. С Нью-Йорком договориться было легче. Оттуда спокойно материалы переслали. Даже по устному запросу.

– Мне сегодня кто-то говорил, что Садовник интересуется стрельбой. А тир в вашем городе есть?

– Это я вам говорил, – сказал полковник МВД. – А тир у нас есть в спортивном обществе «Динамо», где и мы сами тренируемся.

– Вот и решим вопрос, – заявил отставной майор. – Только это уже будет один из следующих ходов. А пока я попрошу обеспечить первый.

– Первый – это что? Безопасная квартира?

– Нет. Я думаю, что после сегодняшнего ко мне домой никто сунуться не решится. Они понимают, что я их жду. Первый, это договоренность с Говоруном о встрече. Хорошо было бы, если бы вы сами меня ему представили. Сделать это необходимо прямо завтра, с самого утра.

Глава 2

В завершение беседы Васильев дал свой домашний и сотовый номера обоим полковникам. Они сообщили ему свои.

Уехал Васильев вместе с полковником Соловьем на микроавтобусе, дизельный двигатель которого слегка стучал. Но поехали они сначала не в здание ФСБ, которое располагалось рядом, а отвезли домой куратора, как ему и было обещано. Полковник Соловей многократно извинялся перед генерал-лейтенантом за то, что вынужден был его побеспокоить. У отставного майора спецназа военной разведки даже сложилось впечатление, что это первая встреча полковника с человеком такого высокого звания. Она стала для Соловья весомым и значительным событием, почти праздником, о котором не грех будет и внукам рассказать. А как иначе, если собственный начальник полковника – только генерал-майор. Не бывает начальников областных управлений старше званием. Те сидят в Москве, и в их кабинеты простому полковнику не пробиться.

После того как они высадили генерал-лейтенанта у самого подъезда, полковник Соловей позвонил куда-то и заказал пропуск на Сергея Тимофеевича Васильева. Отставной майор догадался, что Соловей, скорее всего, повезет его не к себе домой.

Так и оказалось. Здание ФСБ располагалось всего в квартале от райотдела полиции, где Сергей Тимофеевич потерял сегодня так много времени. Пропуск был уже у часового, стоявшего в дверях. Васильеву осталось только предъявить свой паспорт и получить эту бумажку.

– Не забудьте поставить отметку об убытии, – напомнил ему часовой, младший сержант с ярко-голубыми погонами.

Васильев в ответ на это просто кивнул.

Все было как всегда и везде. Вход в кабинет полковника Соловья осуществлялся через приемную, где сидел капитан, его адъютант. Таких офицеров в армии обычно зовут капитан-официантами.

Армейский термин пригодился бы и здесь, потому что Соловей сразу, при входе в приемную, заявил:

– Сделай нам, пожалуйста, по чашечке кофе.

– Минутку, товарищ полковник. Сейчас принесу.

Человек в белом халате отстал от них еще на первом этаже, свернул в какой-то коридор, откуда сильно несло запахами различных лекарственных препаратов. Там, судя по всему, располагался медицинский пункт управления.

В кабинете Соловей открыл сейф, стоявший напротив окна, вытащил оттуда достаточно толстую папку, положил ее на стол перед Васильевым и проговорил:

– Здесь стоит гриф «Для служебного пользования», но я не буду возражать, если вы возьмете это домой и там внимательно ознакомитесь со всеми материалами. Надеюсь, вы понимаете, что такие документы нельзя оставлять без присмотра, и настоятельно рекомендую после ознакомления папку мне вернуть. Хотя не буду против, если вы надумаете снять с документов копии. Они могут вам сгодиться. Вдруг потребуется заглянуть, чтобы освежить память, и тогда не придется ко мне лишний раз обращаться. – Это добавление походило на то, что полковник просил не беспокоить его слишком часто.

– Конечно, товарищ полковник. Я же был начальником штаба батальона. Документации с разными грифами секретности через меня проходило множество. Как с какими документами обращаться, я знаю. Что же касается копий, то ксерокса у меня нет, но я могу это просто сфотографировать. Кстати, у меня вот какой вопрос возник. Как фотография Садовника попала к Говоруну? Я так полагаю, что он имел у себя тот же снимок с яхты, если мне другого не предъявили?

– Да, я думаю, что у него тот же самый снимок. У Говоруна большие связи во всех кругах города, от администрации до бомжей на свалке. Информация по розыску была распространена по всем отделениям полиции. Я удивляюсь, как вас сразу за него не приняли. Вы же не прятались ни от кого. Долго Говорун искал вас. А фотографию ему, видимо, предоставили в каком-то райотделе полиции. Я так считаю. Кто конкретно, мне неизвестно. Но в этом нет, на мой взгляд, ни преступления, ни даже умысла. Просто кто-то из мелких стукачей решил Говоруна предупредить и на этом слегка заработать, хотя бы на пиво. Ну а Говорун уже сам принял меры. Такое в нашей службе встречается сплошь и рядом.

После короткого стука в дверь капитан-официант принес на подносе две чашечки кофе и сахарницу. Васильев скромно выпил кофе без белого яда, встал, взял в руки папку с документами и сказал:

– Товарищ полковник, мне пора.

– Тот же самый микроавтобус вас ждет у крыльца. Я распорядился. Давайте пропуск. Отмечу ваше убытие.

– Спасибо.

Домой отставной майор добрался без происшествий и даже, как ему самому показалось, в приподнятом настроении. Погода, видимо, влияла. Даже глубокая тонировка окон микроавтобуса не мешала понять, что день стоит весенний и солнечный, обещающий перемены, которых с удовольствием соглашаешься дожидаться.

Те бандиты, что ехали убивать Сергея Тимофеевича, через такую же тонировку смотрели на улицу. Весна не могла не касаться их. К ним обязательно должно было прийти ощущение скорых больших жизненных перемен. Эти самые перемены их посетили, только оказались не теми долгожданными, которых они ожидали. Едва ли кто с нетерпением дожидается пули.

Жена была еще на работе. Позже, уже с наступлением темноты, Васильеву предстояло выйти ее встречать. Она мужа об этом не просила. Это была его инициатива, он сам приучил жену к такой заботе, просто не любил ждать ее в темноте и в беспокойстве. Тем более что обстановка вокруг него складывалась сложная, начиналась большая работа. Когда жена приходила в темноте в небольшом военном городке, это было нормальным явлением. Там вокруг всегда только свои. А здесь большой город, который скорее разъединяет людей, чем соединяет их.

За ту мысль, которая никак не могла оформиться в голове отставного майора, он цепляться перестал, понимал, что в какой-то момент все правильно сообразит. А пока или время не настало, или не хватало каких-то данных. Обычно так все с Васильевым и происходило. Но даже в том случае, если мысль не придет, устраивать внутреннюю истерику не стоило. Значит, эта мысль была недостойна воплощения. Так подсознание решило. А он доверяет ему. Если оно принимало какое-то решение, то самое правильное.

Васильев сел за письменный стол, отодвинул подальше от себя ноутбук, чтобы не мешал, задернул тяжелые тентовые шторы и включил настольную лампу. Волшебный круг света всегда помогал ему сосредоточиться на чем-то одном, не позволял отвлекаться на разные посторонние мысли.

Сергей Тимофеевич принялся изучать документы, присланные полковнику Соловью. Все они были подшиты в дело не по территориальному признаку, а по времени преступления, совершенного Леонидом Садовником.

Начиналось все, естественно, в городе, где он вырос. Первые преступления были совершены давно, в конце восьмидесятых – начале девяностых, когда Садовник входил в одну из многочисленных местных банд. Сначала это была просто компания друзей. В период государственного ограничения на потребление спиртного они приторговывали вином и водкой. Этот бизнес приносил не самый малый доход, но парням хотелось большего. С этой целью они начали сначала разводить водку, а потом вообще продавать бутылки с водой.

Однажды какой-то мужчина, возмущенный столь наглым обманом, решил с ними разобраться. Садовник избил его так, что тот зимой остался валяться на снегу, когда парни ушли. Наутро пришел участковый и увидел, что избитый мужчина просто замерз ночью, не имея сил подняться.

За этим последовала смерть самого участкового прямо в опорном пункте правопорядка. Подозрение тогда сразу пало на Леонида, но он куда-то уехал, как говорили родители, за сутки до происшествия. Он сам потом заявил следователям, что отправился по путевке в дом отдыха, а день провел у друзей в соседнем городке. Они это подтвердили. Просто, дескать, захотелось парню отдохнуть.

Время, пока Садовник отсутствовал, было упущено, дело по свежим следам раскрыть оказалось невозможно. Но и позже, когда Садовник вернулся и сам пришел в полицию, ничего доказать не удалось. Были только подозрения. Но друзья прикрыли, дескать, в момент убийства Садовник вместе с ними выпивал, отмечал свою поездку.

Некоторое время в полиции присматривались к молодой банде, но ничего против нее найти якобы не смогли. Новый участковый, согласно его рапортам, ежевечернее ходил проверять то место, где подрастающее поколение торговало спиртными напитками. Но там никого не было. Предположение о том, что парни просто сменили место, подтверждения не нашло. Рядом был железнодорожный вокзал, где тем же самым бизнесом занимались таксисты и частные водители. Менты подумали, что молодая банда просто не выдержала конкуренции.

Однако через несколько месяцев был убит возрастной мужчина, в машине которого нашли запас водки. Он в целях конспирации отъехал со стоянки в темное место за недалекую гостиницу, где его и настигла смерть. Удар был нанесен длинным, предположительно кухонным ножом, через область солнечного сплетения сразу в сердце. У водителя забрали деньги, дорогие часы и золотое кольцо. Водку не тронули, видимо, грабителей кто-то спугнул. Или же они решили, что она может навести на след, и брать ее не желали.

Буквально через пару дней прямо на стоянке с интервалом в один час были избиты два водителя, занимающихся тем же бизнесом. В этот раз у них отобрали только деньги и спиртное. Грабителей было много, как говорили сами пострадавшие. Не менее десяти человек. Толком описать они никого не смогли. Но возраст нападавших опять намекал на ту же банду.

Милиция включила большие силы в поиск, но друзья вроде бы уже не собирались вместе. Ну, встретятся двое-трое, проведут вечер за столом на кухне у кого-то, да и все. Это не причина для принятия против них экстренных кардинальных мер. Тем более что вели себя они тихо, и даже со стороны родителей претензий к парням не поступало.

Тогда, в годы государственной борьбы с алкоголизмом, появилось значительное количество различных банд, стремящихся сделать деньги на чем угодно. Даже на пиве. А еще большее количество людей наживалось на тех, кто сам умел это делать. Так, в том же самом районе, только уже вдалеке от вокзала, был совершен наезд на мужчину, торгующего пивом. Сумму с него потребовали не такую уж и большую, чтобы из-за нее рисковать чем-то.

Однако человек этот оказался слишком жадным. Он просто пригласил младшего брата, который был тесно связан с местной уголовщиной, и назначил рэкетирам стрелку. Дескать, с вами желают поговорить парни, которым я плачу за крышу.

В назначенное время, когда защитники пивного киоска вместе с самим продавцом уже ждали, к ним подъехала простенькая и старенькая легковая машина. Опустилось стекло пассажирской дверцы, оттуда высунулось два ствола охотничьих ружей. Прозвучали сначала четыре выстрела, потом еще два. Все участники стрелки с одной стороны были убиты. Ни один человек не доехал даже до больницы. Картечь редко оставляет раненых.

Вечером того же дня был найден убитым в своей машине и водитель, который отвозил бандитов на стрелку. Скорее всего, его наняли, а потом зарезали те же парни из привокзальной

банды, которые жили в том же районе. Нож при этом использовался тот же, что и раньше, – длинный, скорее всего, кухонный.

Уже утром в квартире этого водителя обнаружен труп его сожительницы, убитой, вероятно, тем же самым орудием преступления. По данным экспертизы, смерть наступила накануне вечером.

Куча трупов, и никаких следов. Естественно, менты сразу стали проверять всех владельцев оружия. У одного из молодых бандитов отец был охотником. Но экспертиза не могла идентифицировать его ружье с теми, из которых были расстреляны люди на стрелке. Гладкоствольное оружие вообще не подлежит идентификации, если не имеет каких-то собственных характерных следов, например, выбоин внутри ствольного канала. Исследуемое ружье было в идеальном состоянии. Следователи опять остались ни с чем.

От дальнейшего ознакомления с документами отставного майора оторвал телефонный звонок. Его беспокоил полковник Воробей.

– Сергей Тимофеевич, ох и задали вы мне работку, – заявил он.

– А что случилось?

– Я сначала позвонил, потом сам поехал к Говоруну, чтобы все в отношении вас решить.

При телефонном разговоре он мне просто не поверил.

Сергею Тимофеевичу все это показалось слегка странным. В качестве кого полковник Воробей сначала звонил уголовному авторитету, а потом поехал к нему? Друга или платного помощника, агента-осведомителя. Сама подобная дружба Васильеву показалась неестественной. Значит, оставался только второй вариант. Но до какой степени полковник Воробей будет отстаивать интересы уголовного авторитета? Этот вопрос пока тоже оставался открытым.

– Так о чем же вы беседовали?

– Сначала договорились, что Говорун снимает преследование с вас и вашей жены, иначе уже сегодня можно было бы ждать неприятностей.

– Кому ждать? Мне или ему?

– Неизвестно, кому во второй раз повезет больше. Но сам Говорун на дело уже не поехал бы. Ему и дневной сегодняшней встречи хватило, когда он с немалым трудом ноги от вас унес. Больше рисковать своим драгоценным телом и просто здоровьем Говорун не желает. Короче говоря, я рассказал ему о том, как вас сегодня проверял фельдшер из ФСБ.

– Так это был не врач, а только фельдшер? – поинтересовался Васильев.

– Да. Но Говорун мнению фельдшера не доверился. Решил, что тому просто квалификации не хватило. Он пригласил своего знакомого врача, хирурга-косметолога. Тот сейчас в одном из городов области проводит операцию, как только вернется, вместе со мной приедет к вам и сам осмотрит. Мы с ним к вам приедем. Не возражаете? Только после этого Говорун согласен с вами встретиться.

– Хорошо, товарищ полковник, я не против. Только давайте время уточним. Я часам к девяти вечера пойду жену встречать из театра. До дома нам добираться больше получаса. Значит, не раньше, чем в двадцать один сорок.

– Хорошо бы чуть пораньше. Хотя бы часа на полтора. Хирург вернется в город в двадцать часов. Электричка приходит в двадцать ноль одну, согласно расписанию.

– Тогда встретьте его и сразу отправляйтесь ко мне. Я без пятнадцати девять выеду на машине. Можете и вы машину за хирургом послать, если это в ваших интересах. Так, думаю, может получиться быстрее. Или даже сами съездите.

– Это больше в ваших интересах. Не исключено, что на вас и вашу жену вечером готовится нападение, – предупредил Васильева полковник полиции.

Но отставного майора это сообщение не сильно испугало.

– Тем хуже нападавшим. И вам лишняя забота. Трупы куда-то списывать придется. Кроме того, вы же говорили, что на сегодня Говорун дал отбой, – сказал он.

– Отбой-то он дал. Но кто его знает, что может случиться. А машину посылать бесполезно. Она за электричкой не угонится. У меня водитель сильно неторопливый. Не любит быстрой езды. Возраст сказывается. В лучшем случае выигрыш будет в пять-десять минут, которые ничего не решат. Если только ехать предельно быстро. Хорошо, уговорили. Я на своей машине съезжу.

Сам того не желая, полковник Воробей подтвердил, что с уголовным авторитетом у него прочные связи, и он стремится тому угодить. Именно Говоруно, а не отставному майору спецназа военной разведки, предполагаемой жертве уголовного авторитета. Может ли это означать, что полковник Воробей настолько сильно озабочен перспективой новой криминальной войны в городе? Возможно, хотя и маловероятно. Скорее всего, он просто не желает потерять человека, который его подкармливает весьма основательно, в полном соответствии с полковничьими погонами.

– Договорились. Как приедете, звоните. Я пока в гараж схожу, свою машину подгоню. Воробей отключился.

Сергей Тимофеевич сделал в папке с документами закладку, закрыл ее и подумал, куда ему спрятать эти документы. Он расстегнул чехол подушки дивана и засунул папку внутрь.

На оружейный сейф, что стоял у стены, надежды у него было мало. Этот замок откроет любой новичок, только вчера прошедший обучение работе с отмычками. Если кто-то в отсутствие хозяина заберется в квартиру, то в первую очередь будет интересоваться сейфом. В них обычно не только оружие складывают, но и деньги, драгоценности, важные документы разного рода. Благо места там хватает. Сейф рассчитан на охотничье ружье.

Сергей Тимофеевич захватил с собой документы на машину и ключи, выдернул из головы волос и поставил контрольку на входную дверь, чуть ниже уровня своего колена, куда обычно никто даже случайно не смотрит, поскольку там днем, когда свет в подъезде выключен, стоит густой сумрак. После чего он смело отправился в гараж.

Гаражный кооператив был расположен не слишком далеко, но и не рядом с домом. Добираться до него следовало около получаса быстрым шагом. Машина была на месте. На дверце в воротах тоже была установлена контролька. Она показала, что после того, как Васильев поставил сюда машину, гараж никто не посещал.

Отставной майор распахнул ворота, выехал из гаража и посмотрел по сторонам. Поблизости никого не было. Только вдалеке были распахнуты еще чьи-то ворота. Но добежать оттуда за время, потребное Васильеву на закрытие створок, не успел бы никто, даже олимпийский чемпион по бегу на средние дистанции. После этого Сергей Тимофеевич вернулся в гараж, закрыл обе створки ворот изнутри на фаркопы, которые тщательно завинтил. После чего он выглянул наружу, не обнаружил никакой опасности, вышел, закрыл дверь, поставил новую контрольку и навесил дополнительный мощный замок с каленой петлей из суперпрочной стали. Этот замок ему делали на заказ в мастерской батальона спецназа ГРУ. Со специальным механизмом никак не дружили отмычки, и даже на то, чтобы открыть его родным ключом, требовался навык.

Только лишь сев за руль, отставной майор вдруг осознал свое поведение, понял, что перебарщивает с осторожностью. Так вообще можно далеко зайти и подозревать каждого встречного человека, любого соседа по гаражному кооперативу. Конечно, следует быть внимательным и осторожным, готовым к тому, что кто угодно может вытащить оружие и начать стрелять на поражение. Однако показывать свою настороженность нельзя. Иначе это становится уже комедийным действием. И вообще, видя в каждом встречном возможного врага, легко сдвинуться умом. С этими мыслями Сергей Тимофеевич выехал за пределы гаражного кооператива и сделал петлю вокруг квартала домов частного сектора, убеждаясь в том, что не тащит за собой «хвост». Потом он свернул на свою улицу и проехал мимо дома, в котором теперь жил, даже на окна посмотрел, хорошо понимая, что света там не увидит, даже если его квартиру кто-то намеревался посетить.

У служебной проходной драматического театра Васильев остановился и вышел подышать весенним воздухом. К вечеру тот посвежел, стал каким-то пахучим, что ли, словно обещающим скорое цветение черемухи и сирени.

Глава 3

С улицы Сергей Тимофеевич позвонил жене.

– Люся, я внизу. Жду тебя у машины.

– Я только минут через пятнадцать-двадцать освобожусь. Сейчас костюмы на третье действие раздавать закончу, но собирать их назад не буду. Завтра прогон нового спектакля. Костюмы по примеркам висеть будут. А послезавтра премьера. Пойдем с тобой?

– Там видно будет, – уклончиво ответил Васильев, не зная, что будет послезавтра, и предпочитая ничего не обещать, чтобы потом жену не пришлось обманывать.

– Посмотришь хоть на мою работу. Здесь почти треть костюмов мной сшита.

– Говорю же, там видно будет. Выходи. Я жду. Постарайся побыстрее, а то ко мне приехать должны.

– Кто? – спросила Люся.

– Полковник полиции и врач.

– Что за врач?

– Специалист по пластической хирургии.

– Это ты мне такого ищешь? Я тебя в теперешнем своем виде уже не устраиваю?

– Нет. Себе, – ответил он и тут же понял, что полностью обескуражил жену.

– Я быстро, – сказала она торопливо. – Жди.

Люся обещала, что освободится только через пятнадцать-двадцать минут, но вышла уже через восемь. Сергей Тимофеевич не успел еще и ноги отбить о колеса своей «Волги», как она показалась в стеклянных дверях проходной. Видимо, ее сильно обеспокоила идея мужа прибегнуть к услугам врача-косметолога.

Домой они ехали молча.

Люся была ровесницей Сергея Тимофеевича. Ей тоже было пятьдесят два года, но выглядела она лет на десять моложе. Видимо, генетика такая ей выпала. А перенести в жизни ей пришлось многое. Постоянные командировки мужа, возвращение то в гипсе, то в бинтах, а то и вовсе на носилках. Конечно, после каждого его отъезда она нервничала, места себе не находила, всегда ожидала худшего.

Так же вели себя жены его боевых товарищей. Именно по этой причине среди офицеров спецназа военной разведки часто встречаются люди разведенные. Многие женщины не в состоянии перенести то, что возникает у них в воображении. Сами офицеры выдерживают то, что происходит в действительности, но воображение обычно действует на психику сильнее, чем реальность. Тем более на женскую психику. Отсюда и разводы. Женщинам свойственно искать спокойной вялотекущей жизни в кругу стабильной семьи.

Но вот Люся все перенесла и осталась с Сергеем Тимофеевичем. Более того, она казалась молоденькой девушкой среди своих ровесниц, жен других офицеров. Васильев этим гордился. Выйдя на пенсию, он пообещал жене, что у них начинается спокойная жизнь, однако и теперь ей покоя, судя по всему, не будет.

Сначала Васильев думал поставить машину в гараж и вернуться домой вместе с женой пешком, как они порой и делали. Но полковник Воробей позвонил как раз в тот момент, когда «Волга» проезжала мимо дома.

– Вы где, товарищ майор? – спросил он. – Мы уже около ваших дверей. Поднимаемся к вам на третий этаж.

– Я подъезжаю, – сказал Васильев, плавно притормаживая. – Дома буду через полторы минуты.

Перед дверью квартиры стояли полковник Воробей и высокий, достаточно молодой мужчина в куртке.

– К нам гости? – спросила непонятно кого Люся.

– Я же говорил, – проворчал Васильев, но жена уже пожимала по-мужски руки гостей и представлялась, вынуждая к тому же и их.

Оба произнесли только имя и отчество, фамилий не назвали.

Сергей Тимофеевич открыл дверь и бросил взгляд на контрольку. Она находилась на месте, значит, незваных гостей в отсутствие хозяина не было. Да их по большому счету и быть бы не должно было. Все предосторожности – это больше дань привычке постоянно находиться настороже. За многие годы службы она впиталась в кровь настолько прочно, что даже теперь, несколько лет спустя, уже после выхода в отставку, избавиться от нее было сложно, да, как показали события нынешнего дня, вероятно, и не нужно.

Если бы не эта привычка, вполне возможно, что тело отставного майора спецназа сейчас лежало бы на секционном столе в морге. Заплаканную жену Люсю кто-то отпаивал бы там же корвалолом после опознания. Самому Сергею Тимофеевичу подобная перспектива не сильно нравилась. Он предпочитал не терять качества и привычки, приобретенные за годы службы. Тем более что они и сами не проявляли особого желания с ним расставаться.

Сергей Тимофеевич пропустил всех вперед, сам вошел последним, позволил жене и гостям повесить верхнюю одежду на вешалку и только после этого пристроил туда же свой армейский бушлат, с которого давно уже снял погоны. Его легкая камуфлированная куртка тоже была армейского образца, хотя, как и бушлат, не имела погон. Вся она выцвела на солнце, и только места, где когда-то погоны располагались, были более темными. Отставной майор носил джинсы, подчеркивая свой нынешний гражданский статус, хотя и не одобрял молодежные модели с протертыми дырами в разных местах. На строгий армейский взгляд Сергея Тимофеевича, они вносили в одежду беспорядок и хаос.

Люся сразу прошла на кухню.

– Чай нам сообрази, – попросил ее хозяин квартиры, а сам жестом пригласил гостей в большую комнату.

Там он без разговоров поставил на самое светлое место, под люстру, стул, сел на него и заявил:

– Давайте сразу приступим к осмотру.

– Приступим, – сказал полковник.

– Приступим, – согласился врач.

Он достал из портфеля латексные перчатки, надел их на руки, сразу начал осмотр лица отставного майора, точно так же, как фельдшер днем, надавил на шрам за ухом, не спросил, что это, а сам предположил:

– Осколочное ранение?

– Так точно. Оно самое. Лет пятнадцать назад получил.

Врач продолжил осмотр. Он вытащил из портфеля увеличительное стекло и долго рассматривал шею Васильева, объяснив, что она всегда выдает возраст. Потом доктор попросил показать ему кисти рук, которые влиянию возраста поддаются даже сильнее кожи на шее.

Это заняло в общей сложности около пяти минут. Время Васильев не засекал, но на кухне раздался свисток чайника. Отставной майор знал, что полный чайник закипает ровно через пять минут, если включить газовую горелку на полную мощность. Значит, жене предстояло еще только свежий чай заварить покрепче, как любил это Сергей Тимофеевич.

Врач вытащил трубку и набрал номер. Васильев прислушивался зря. На аппаратах сотовой связи набору одной цифры соответствует только один звуковой сигнал, тогда как на аналоговых телефонах уже по звуку, имея только небольшой навык, можно определить номер, который набирают. Но отставному майору спецназа по большому счету и не особенно нужен был номер уголовного авторитета Говоруна. Так что ничего страшного не произошло.

– Хозяина позови! – потребовал у кого-то врач. – Я и беспокою... Давай быстро! – Некоторое время он ждал, слушая разговор, потом сказал:

– Николаич, я в квартире у того человека. Провел осмотр лица, шеи и рук. Они полностью выдают возраст. Этому человеку за пятьдесят – это однозначно. Послеоперационных косметических шрамов не обнаружил. Есть шрам за ухом – откровенное последствие осколочного ранения. Защит грубо. Видимо, в полевых условиях. Есть шрам на носу. Думаю, результат операции по восстановлению перегородок после перелома. И все. Да. Это его настоящее лицо. А в этом вопросе ты уже сам разбирайся. Я не могу быть в курсе того, что происходило без моего присутствия и даже в другой стране. У меня все. Я больше не нужен? Хорошо. Я дома буду. Если вопросы возникнут, звони. Нет. Я пешком дойду. Это почти рядом. Одна остановка на автобусе. Но я ждать не буду, двину напрямик между домами. Нет. Я думаю, его полковник с собой привезет. Но это вы сами решайте. Без меня. Все. Мне отдохнуть надо. У меня завтра тяжелый рабочий день. Звони, если что. – Врач отключился от разговора и убрал трубку.

В это время в комнату вошла Люся, на подносе принесла чашки, конфеты вместо сахара, которого Васильевы вообще дома не держали, и заварочный чайник. Она поставила поднос на стол и побежала на кухню за большим чайником.

– Угощайтесь, – сказал Васильев.

– Ну вот, а я уже домой собрался, – посетовал врач. – Но раз уж хозяйка так старалась, то от чая я, пожалуй, не откажусь.

Сам Сергей Тимофеевич пил чай не только без сахара, но даже без конфет. Он любил его гораздо больше, нежели кофе, которым его сегодня угощали в кабинете полковника Соловья. Впрочем, капитан-официант, скорее всего, просто не умел настоящий кофе готовить, поэтому поил своих командиров и их гостей растворимым.

Чай мужчины пили молча. Даже ментовский полковник ничего не говорил.

Люся по своим женским делам ушла на кухню, сказав только:

– Я там своими делами позанимаюсь и вам мешать не буду.

И только тогда когда она вышла, полковник Воробей сказал:

– Завтра к десяти утра, Сергей Тимофеевич, нас ждут у Петра Николаевича. Время мы с ним особо обговорили, если с осмотром все в порядке будет. Я за вами заеду в половине десятого. Просчитайте в голове предстоящий разговор. Петр Николаевич – человек резких решений и попусту разговаривать не любит. Готовьтесь к конкретному деловому собеседованию. И еще один маленький нюанс. Лучше было бы явиться туда без оружия. После экспертизы нашего доктора это совершенно безопасно.

– Я привык всегда иметь оружие при себе, – упрямо ответил отставной майор спецназа.

– Но мне же вы его сегодня сдали. Точно так же завтра придется сдать охране Говоруна. А вот возвращать его надо будет с уговорами. Я потому и не беру с собой оружия, когда к нему еду. После первого визита мне пришлось обращаться к самому Петру Николаевичу, чтобы решить проблему. Его охранники оружие любят, что к ним в руки попало, считают своим. У уголовников собственные понятия.

– Посмотрим, – просто ответил Васильев, ничего не обещая.

Ментовский полковник и врач встали из-за стола.

– До завтра, – сказал Воробей. – Утром я заеду.

– Я буду на улице ждать, – пообещал Васильев.

Врач, прощаясь, пожал ему руку. Кисть у него оказалась крепкой.

– Что им от тебя было надо? – поинтересовалась жена, едва звуки шагов на лестнице стихли. – Странная парочка. Профессии у них, мне кажется, несовместимые.

Сергей Тимофеевич ждал этого вопроса. Он далеко не всегда ставил жену в известность о своих делах. Но прежде это была служба, и Люся сама никогда не настаивала на получении

информации. Здесь вопрос стоял иначе. Касался он не только самого Сергея Тимофеевича, но и его жены. В данном случае как-то выкручиваться, в чем-то даже обманывать Люсю или просто что-то недоговаривать было нецелесообразно. Васильев это прекрасно понимал. Тем более что ее опасность он ощущал сильнее, чем свою. Себя он всегда мог защитить, а вот жену... Поэтому необходимо было и от нее требовать соблюдения хотя бы простейших мер безопасности. Но для этого нужно было обязательно ввести Люсю в курс дела.

– На меня сегодня было покушение, – коротко объяснил суть дела Сергей Тимофеевич.

– Старые грехи старицей возвращаются? – поинтересовалась она недовольным тоном, уже начиная слегка ворчать, как бывало раньше, когда Васильев возвращался из боевой командировки с каким-то ранением или с контузией.

– Чужие грехи, – коротко прокомментировал он.

– Объясни! – Голос жены стал требовательным.

– А что тут объяснять. Помнишь мою фотографию в журнале? Перед строем стою.

– Помню. При чем тут журнал?

– Эта самая фотография одному типу понравилась, киллеру, находящемуся в розыске.

– А дальше что? Он тебе любовь предложил? Ты мне соперника подсунуть хочешь? Я готова принять бой.

– Если бы так. Только киллер этот сделал две пластические операции и стал сильно на меня похожим. Даже по возрасту, для чего ему, судя по всему, приходится волосы красить.

– Тебя, конечно, приняли за киллера и хотели убить, да? Но ты, пока еще вполне живой, сидишь передо мной. Поэтому я понимаю, что ты их сам прибрал. Надеюсь, тебя не обвинят в убийстве ментов?

– Это было бы еще полбеды, – сказал Сергей Тимофеевич и тяжело вздохнул. – У киллеров есть непреложный закон. Если они приняли заказ на кого-то, то обязаны его выполнить, несмотря ни на что. Даже после смерти заказчика. Уголовный авторитет, который был заказан, принял меня за того самого киллера. Кто-то слил ему новую фотографию этого типа. Пока невозможно сказать, кто именно это сделал. Мог полковник Воробей, и еще кто угодно, потому что фотография прилагалась к документам на розыск. Уголовный авторитет, который был заказан, решил себя обезопасить и ликвидировать меня.

– И где теперь искать парней, которые на тебя покушались? – с усмешкой спросила Люся, примерно представляя, что произошло.

Поскольку муж в данный момент сидел перед ней живой и здоровый, догадаться об участии бандитов было не трудно.

– Думаю, что в морге. Едва ли их уже отдали родственникам для похорон. Обычно это делается на третий день, а если трупы криминальные, то часто и позже. Пока снимут отпечатки, сверят по базе. Могут идентифицировать и с другими преступлениями. Так что задержки вполне допустимы. Да и автоматные стволы еще будут определять. Это обязательная процедура. Вмешались полиция и ФСБ. Все пытаются доказать Говоруну – это и есть тот самый уголовный авторитет, – что я не есть киллер. Они его ловят.

– А что страшного, если киллер прикончит уголовного авторитета? Пусть убивает! Побольше бы таких киллеров! – высказала Люся то же самое мнение, которое днем озвучивал ее муж.

– Тогда в городе начнется криминальная война, в которой погибнет множество нечастных к этому людей. Органы пытаются не допустить этого.

– Понятно. А зачем тебе понадобился косметолог? Ты хочешь лицо изменить, чтобы тебя не узнали? Прятаться будем? Мне тоже придется пластику делать?

– Мне прятаться ни к чему. Мое собственное лицо мне больше нравится, нежели чье-то другое, хотя я и не самовлюбленный человек, нарциссизмом не страдаю.

– Я пыталась с кухни услышать ваш разговор, но ничего понять не смогла. Так зачем тебе косметолог понадобился? Кому он сам потом звонил?

– Мне он не нужен. Его прислал Говорун, чтобы проверить мое лицо на предмет послеоперационных шрамов. Не верил бандит, что я – это я. Врач шрамов не нашел, о чем и доложил Говоруну, подтвердил, что это мое естественное лицо.

– А завтра утром ты куда собрался?

– Вместе с полковником поедem к самому бандиту. Познакомиться хочу.

– Зачем тебе это?

– Думаю, как положение исправить.

– Хочешь стать его охранником?

– Вот! Молодец! Ты высказала мысль, которая у меня в голове вертелась. Я никак за нее ухватиться не мог. Именно это я ему и предложу. Это самый верный способ Садовника поймать. Он обязательно к Говоруну пожалует. Там я его и захвачу. Только следует для Садовника какой-то единственный коридор организовать. Чтобы он больше ни на что рассчитывать не мог.

Люся хмыкнула себе под нос. Непонятно было, довольна она решением мужа или нет. Но эта женщина была не приучена давать ему советы. Все решения он принимал всегда самостоятельно, не спрашивая ее мнения. Правда, в данной ситуации она тоже была, по сути дела, участником событий, по крайней мере – заинтересованным лицом. Сергей Тимофеевич, конечно же, не сказал ей, что Говорун предполагал уничтожить и ее тоже. Однако Люся, видимо, и сама поняла, что ликвидацией одного отставного майора дело ограничиться не должно было. Она привыкла всегда доверять мужу, знала, что он умеет принимать правильные решения и никогда просто не подставит ее под удар.

Утром полковник Воробей позвонил Васильеву:

– Сергей Тимофеевич, я выезжаю к вам. Выходите встречать. Через пятнадцать минут буду на месте.

Тот выходить во двор не спешил, подошел к жене и запретил ей открывать дверь не только посторонним людям, но даже ему, потому что у него есть ключ. Васильев посоветовал супруге закрыться на внутреннюю задвижку, не реагировать на звонки в дверь, не подходить к ней, отвечать на вызовы лишь с тех номеров, которые она знает.

– А если ты ключ потеряешь? – спросила Люся.

– Со мной такое хоть раз в жизни случалось?

– Не помню. Кажется, нет. Но все когда-то происходит впервые.

– Тогда я позвоню и скажу что-то такое, чего, кроме меня и тебя, никто знать не должен.

– Например?

– Назову тебя именем твоей бабушки Неонилы. Любой другой звонок от меня игнорируй и к двери не подходи. Стрелять можно и через нее.

– Она у нас металлическая.

– Но не бронированная же. Пуля ее легко прошьет.

Сам Сергей Тимофеевич предполагал, что меры предосторожности принимает слишком рано. Еще даже нет известий о том, что Садовник прибыл в город. Никто его не видел, никак он не отметился.

На старой квартире родителей Садовника, ныне принадлежащей сыну, который ввиду розыска не имеет возможности продать ее, поставлена сложная и дорогая сигнализация. Если в помещении появится кто-то посторонний, то на пульте ФСБ тут же загорится тревожный огонек. Об этом полковник Соловей позаботился еще накануне. Однако Васильев прекрасно осознавал, что киллер Садовник не настолько глуп, чтобы попытаться устроиться в своей квартире.

Сергей Тимофеевич ушел в большую комнату, открыл оружейный сейф, сменил в пистолете обойму на новую, а в старую добавил недостающие патроны. Он убрал пистолет в кобуру и направился к двери, слушая, как на кухне гремит кастрюлями Люся. Видимо, она начала что-то готовить на завтрашний день, как делала обычно.

Глава 4

Вернувшись вечером домой из гаража, Сергей Тимофеевич вытащил из диванной подушки папку с документами и ушел их читать на кухню. Он плотно прикрыл за собой дверь, предоставил жене возможность спокойно смотреть телевизор.

Следующее дело начинающего киллера сводилось к добыванию огнестрельного оружия. Садовник выбрал самый безопасный вариант и разработал операцию, видимо, до мельчайших подробностей. Поскольку вокзал и станция были рядом, многие из его друзей и знакомых работали там. Они смогли стать добровольными или нечаянными наводчиками.

Сначала последовало нападение четверых молодых бандитов на осмотрщиков вагонов на станции. Бригаду, состоящую из четырех человек, они уничтожили быстро, нанесли каждому удар ножом в горло. При этом люди не успевают даже крикнуть. Убийцы сняли с них грязные промасленные сигнальные жилеты, тела забросили в вагон, загруженный углем, забрали ведро с гаечными ключами и молотки на длинных ручках, которыми простукивались колесные пары в поисках возможных трещин. После чего эти негодяи нацепили на себя сигнальные жилеты и двинулись вдоль состава.

Навстречу им шел охранник, не обративший на них никакого внимания. Они сначала пропустили его мимо себя, потом убили ударом молотка по затылку. Бандиты забрали у покойника трубку с тревожной кнопкой и револьвер «наган», который в то время стоял на вооружении в железнодорожной военизированной охране. Это оружие древнее, но вполне серьезное и безотказное. Похищенный револьвер забрал себе Леонид Садовник, уже фактически штатный киллер банды.

Следующее нападение было произведено с той же целью. Только теперь оно уже было куда более организованным и серьезным. Кто-то позвонил из телефона-автомата в милицию, которая еще и не планировала стать полицией. Мол, пьяный мужик размахивает топором, разрушил дома всю мебель, грозит зарубить жену и дочь, если кто из соседей в квартиру сунется.

К месту происшествия был срочно отправлен наряд милиции на автомобиле «УАЗ». Менты, ясное дело, были с автоматами. В отделении ждали от них сообщения, но оно все не поступало. Тогда на место была выслана вторая группа. Она и нашла всех четверых убитыми на крыльце подъезда, прямо перед дверью, под навесным козырьком.

Старушка с первого этажа выглядывала в окно, видела каких-то парней. Они стояли там, но в подъезд не входили, словно опасались чего-то. Когда подъехал «УАЗ» с нарядом, парни сами подозвали ментов к себе. Что случилось потом, старушка уже не видела. Окно не было открыто, и это мешало ей посмотреть все до конца. Но одиночный выстрел она слышала.

С места расправы над нарядом милиции пропали четыре автомата и два пистолета Макарова. По пуле, застрявшей в теле старшего наряда, эксперт определил, что убийство совершено теми же людьми, которые напали на охранника железной дороги. Следов обнаружено не было. Поиск результатов не дал.

Похищенные стволы через два года засветились на стрелке между двумя группировками бандитов. Тогда погибли шестеро спортсменов, представителей единоборств, специально приглашенных на стрелку одной из сторон. В данном случае были и раненые, но фактов о том, кто применил украденное оружие, снова никаких не было, только голые подозрения.

На этом отставной майор спецназа военной разведки прекратил чтение, снова убрал документы в диванную подушку, ставшую его рабочим сейфом, и отправился спать. Изучение подобных документов нагоняло на него скуку. Криминальные операции, да еще обрисованные в одностороннем порядке, не шли ни в какое сравнение с описанием боевых действий в самом простом армейском рапорте, которых Васильеву довелось немало прочитать и даже самому

написать. Но он уже уяснил себе главное в действиях Садовника. В обоих случаях тот использовал эффект неожиданности, умело при этом маскируясь.

Полковник Воробей подъехал к дому ровно через пятнадцать минут. Хоть часы по его передвижению сверяй! Так что ждать его Сергею Тимофеевичу почти не пришлось.

Полковник открыл дверцу, пригласил Васильева устроиться на правом пассажирском сиденье, развернулся и выехал на улицу.

– У нас с вами неприятности, – очень серьезно проговорил Воробей.

– Я дома с женой находился, ни с кем не цапался. Поэтому у меня неприятностей не должно было быть, – сказал Сергей Тимофеевич. – Что у вас случилось?

– Вчера вечером убит Валентинов – это врач, который вас осматривал. Утром тело нашли. Тут неподалеку теплотрассу ремонтируют. Вырыли канаву. Она наполовину водой залита. Вчера откачивали, хотели кусок трубы заменить, но не успели. Вода сильно бежала, хотя трубу перекрыли. Видимо, грунтовые воды подкатили. Сегодня утром аварийщики приезжают, чтобы ремонт закончить, а внизу тело лежит. Голова разбита. Возможно, сам сорвался, когда хотел канаву перепрыгнуть, и головой о бетонный короб стукнулся. Или его сильно ударили. Только зачем? В канаву за ним никто не полез, грабить не стали. А у Валентинова денег с собой несколько сот тысяч было. Это за операции, как уже проведенные, так и будущие, ему заплатили. Он их домой нес. Домашний человек. Говорят, даже любовницы не имел.

– Значит, ограбление отпадает?

– Рассматривается и вариант, что людям, убившим врача, просто не захотелось в грязи возиться, поэтому за телом они не полезли. Не знали, что человек с деньгами идет. Такое порой тоже случается, особенно среди юнцов, которые наобум действуют.

– А следы? На свежевскопанной земле они обязательно должны остаться. Тем более на мокрой грязи.

– Аварийщики своими сапожищами все затоптали. Ничего разобрать невозможно. Они и вниз за телом забирались, думали, что живой, просто пьяный. Но есть и другие варианты.

– Какие? – простодушно спросил Васильев.

– Например, желание что-то скрыть.

– Операцию, сделанную Говоруну?

– Эту операцию тот сделать не успел, хотя, мне кажется, задумал. Иначе зачем бы он так пригревал Валентинова. Но у самого Говоруна другие подозрения.

– Какие?

– Что вы вчера под угрозой убийства заставили Валентинова позвонить Говоруну и сообщить то, что вам требовалось сказать, а потом все же убили его, когда он домой отправился. Это чтобы не сдал вас. Говорун, кстати, и меня тоже подозревает. Я сам ему сказал, что из вашей квартиры вышел вместе с хирургом. Предложил подвезти, но он отказался, сказал, что неподалеку живет и прогуляться хочет, весной подышать. Я даже настаивать не посмел. Подумал, что Валентинов к кому-то зайти желает и не хочет этого афишировать.

– Может быть, он все же зашел? – предположил Сергей Тимофеевич.

– А кто сейчас нам точно это расскажет? Опера бегают, людей в соседних домах опрашивают. Может, кто-то что-то видел. Но такие убийства обычно не раскрываются. Это на девяносто девять процентов всяк. Разве только случайно что-то всплывет.

– Вам виднее, – коротко отреагировал Васильев, которому показалось, что полковник в какой-то мере пытается обвинить его.

Видимо, Воробей был недоволен тем, что ему приходится теперь заниматься многими делами, которых могло бы и не быть, позволь Сергей Тимофеевич убийцам расстрелять себя. Ну да, было бы на одно нераскрытое убийство больше на счету полиции или того органа, которому доверят дело вести. Зато не было бы никаких лишних хлопот, беспокойных дум о зав-

трашнем дне, о том, что вскоре может случиться. Должно быть, полковник Воробей мечтал о спокойной и беззаботной жизни, лишенной хлопот и необходимости вникать в посторонние ситуации. Ну так вышел бы на пенсию. Там ему было бы спокойнее. Хотя это вовсе не обязательно.

Сам Васильев тоже вышел на пенсию, надеясь на спокойную жизнь, но она таковой никак не получалась. А если полковник завязан с бандитами, то они с него не слезут, будут и потом требовать информацию, которую придется через знакомых добывать.

Полковник Воробей ехал по улице довольно быстро, хотя его машина и не была оснащена спецсигналами. По дороге им попала машина ДПС, стоявшая у бордюра. Инспекторы, внимательно всматривающиеся в другой транспорт, на автомобиль Воробья обратили внимание только тогда, когда он проезжал мимо, вытянулись в струнку и дружно отдали честь. Из чего можно было сделать вывод, что они эту машину хорошо знали.

– Я по городу обычно аккуратнее езжу, – проговорил Васильев.

– Это потому, что у вас «Волга» старая, на ней нельзя ездить быстро.

– А если кто-то на переходе выскочит?

– Я же ведь весь во внимании еду. Издали смотрю, если впереди переход. Но у нас по пути переходы только регулируемые, со светофорами. Потому и опасаться нечего. А если кто на красный свет перебежать пожелает, то это будет его личная беда.

Отставной майор спецназа военной разведки не привык делить беды на личные и общие, но спорить с полковником полиции не стал. Васильев понимал, что Воробей еще и слегка бравурирует, рисуется перед бывшим военным разведчиком, желает показать себя крутым и сильным, почти героем сериала, которых в последнее время пруд пруди.

Они довольно быстро добрались до конечного троллейбусного кольца, где полковник Соловей выехал на довольно узкую и мало посещаемую автомобилями улицу, идущую вдоль забора радиозавода. По другую ее сторону стоял сосновый бор. Точнее сказать, он не стоял, а лежал после осеннего ураганного ветра, прошедшего полосой по окраине города и наломавшего кучу деревьев. Когда забор радиозавода завершился, узкая улочка увела автомобиль в район сначала двухэтажных домов, а потом и вообще в кварталы частного сектора, где лишь изредка возвышались панельные пятиэтажки.

Какая-то интуиция подсказала Васильеву, куда им следовало попасть. Ворота одного из дворов частного сектора были распахнуты, внутри и снаружи стояли несколько машин. Но говорить об этом полковнику Сергей Тимофеевич не стал, чтобы не пробуждать подозрений в том, будто он хорошо знает, куда они едут.

Минувшим днем полковник Воробей присутствовал при работе фельдшера ФСБ, а вечером – при осмотре Васильева хирургом-косметологом. Он уже не должен был путать отставного майора с Садовником. Но подозрения у Воробья все равно, судя по тону его разговора, остались, хотя были они едва заметными и глушились тем, что было очевидным. Полковник был, видимо, из тех людей, которые, однажды что-то вбив себе в голову, очень неохотно с этими мыслями расстаются.

Однако Сергей Тимофеевич не считал для себя нужным изменять мнение полковника Воробья. Васильеву было достаточно того только, что он знал. В полиции с него сняли отпечатки пальцев, но сравнить их было не с чем, потому что Садовник собственных отпечатков никогда и нигде не оставлял. Он даже гильзы после стрельбы обычно подбирал, не считая первого случая использования автоматов, украденных у убитых ментов. Когда человек набивает патронами магазин, на гильзах обязательно остаются отпечатки. Впрочем, сейчас бандиты повсеместно пользуются латексными медицинскими перчатками. Они тонкие и не мешают снаряжать обойму.

Воробей остановил машину перед распахнутыми воротами.

– Людно здесь, – заметил Васильев, кивая на автомобили.

– Говорун споры между людьми разбирает. Он, говорят, в отличие от обычного суда, честно решает. Никого не сажает, но что скажет, то люди и делают. – В голосе полковника откровенно прозвучали нотки уважения. – Правый остается с деньгами, а виноватый платит. А не захочет, будет себя жалеть.

Из ворот вышли два коротко, почти по-солдатски стриженных человека откровенно уголовного типа, сразу направились к машине полковника и остановились у водительской дверцы.

– Никак опять Птичка прилетел. Так ты же вчера был. Или чем-то недоволен остался? Зачастил к нам. А Говорун – человек занятой, – проговорил один из них.

– Он нам назначил сегодня на десять ноль-ноль. Мне и майору спецназа ГРУ. – Воробей кивнул в сторону Васильева.

– Это тот самый хрен, который на дороге троих наших положил? – Бандит наклонился, заглянул в салон автомобиля и принялся рассматривать Васильева.

Точно так же поступил и второй, обладатель тяжелого, малоподвижного и угрожающего взгляда.

Помянутый «хрен» сделал вид, что разговор этот не слышит.

– Он самый. Говорун хочет с ним познакомиться, – ответил полковник.

Первый уголовник вытащил трубку, отошел на пару шагов и отвернулся, чтобы в машине не было его слышно.

Завершив разговор, он убрал телефон, вернулся к машине и сказал:

– Ну и чего сидите? Время-то подходит. Говорун ждет разговора. Заезжай во двор. Там место есть.

Полковник заехал во двор и сразу нашел пустое место, где можно было поставить машину.

– Пойдемте, Сергей Тимофеевич, – сказал он Васильеву.

Когда тот вышел, Воробей не стал закрывать в машине центральный замок и включать сигнализацию. Васильев заметил это, но промолчал. Мало ли, может, здесь правила такие. Или просто полковник сильно волнуется, поэтому память его подводит. Не зря же у него на лбу капельки пота появились. От волнения многое можно забыть. Но озвучивать свои наблюдения отставной майор спецназа не стал, посчитал некорректным.

Дом Говоруна был двухэтажным, деревянным, довольно крупным. Судя по черноте дерева, построен он был достаточно давно. На второй этаж вела лестница, выходящая на большую террасу над входом. Зимой пользоваться ею было неудобно. Видимо, здесь существовал еще один вход на второй этаж.

Это все Васильев просчитывал машинально. Так он делал в боевых условиях на Северном Кавказе, когда возникала необходимость готовиться к штурму какого-то дома в деревне или даже в черте города. Сейчас разговор об этом не шел, но привычка сработала. Сергей Тимофеевич машинально прикинул планировку дома и варианты проникновения в него.

Крыльцо в четыре ступени было тоже деревянным, просторным. Перила и балясины ничем не выделялись. Должно быть, Говорун придерживался старых воровских законов и не хотел жить в роскоши.

Полковник Воробей распахнул стеклянную дверь, ведущую в большую прихожую, которую можно было бы назвать и холлом. Он посторонился и жестом пригласил Васильева войти первым. Сергей Тимофеевич шагнул за порог и открыл вторую дверь.

Внутри дом выглядел куда более богатым, нежели снаружи. Вместо обоев на стенах были тканые гобелены в стиле семнадцатого и восемнадцатого веков. Но рассматривать интерьер было уже некогда. К ним сразу шагнули четыре человека, по двое с каждой стороны.

– Оружие есть? – поинтересовался старший из них и тут же раскашлялся, видимо, оттого, что хотел сделать свой голос неестественно грозным.

Но Васильев, уже имевший дело с такими людьми, сразу определил по кашлю и лицу, источенному болезнью, наличие у мужчины туберкулеза легких.

– Нет. Я когда к вам еду, оружие в сейфе у дежурного оставляю, – извиняющимся, не похожим на прежний тоном проговорил полковник Воробей.

– Есть наградной пистолет, – хмуро ответил Васильев.

– Сдай на хранение! – прозвучало требование.

– Я с ним никогда не расстаюсь и в чужие руки его не доверяю.

– Я не люблю повторять, – сказал туберкулезник, глядя ему в глаза. – Сдай пистолет. С оружием ты к хозяину не пройдешь.

– Тогда я здесь подожду, пока полковник с вашим хозяином поговорит. – Васильев явно шел на скандал.

Но старший охранник внезапно кивнул и спросил:

– Это ты вчера наших парней перестрелял?

– Я перестрелял.

– Хорошо, стало быть, стреляешь.

– Пять лет назад был чемпионом Вооруженных сил России. Значит, стрелял тогда лучше всех в армии. Сейчас почти не тренируюсь, но навык остался.

– Садись вон туда, к окну, жди Птичку. – Туберкулезник показал на ряд стульев.

Сергей Тимофеевич прошел туда под непонимающим взглядом полковника Воробья, попробовал стул на прочность и сел.

Туберкулезник вошел в зашторенную дверь в левой стене, рядом с лестницей, ведущей на второй этаж. Через несколько секунд он вышел оттуда и жестом позвал в кабинет ментовского полковника. Тот обреченно махнул рукой, понимая, что убедить в чем-то Васильева не сможет, и поспешил чуть не на цыпочках, через плечо оборачиваясь на отставного майора спецназа военной разведки и глядя на того с сожалением.

Ситуация сложилась непонятная. Ведь Васильев сам просил привести его к Говоруну. Полковник сделал это. А теперь по пустяковому капризу отставной майор отказывается встречаться с авторитетом. Накануне вечером Воробей предупредил Сергея Тимофеевича, чтобы тот не брал с собой оружия. Но Васильев не послушался и взял. О чем теперь будет Воробей беседовать с Говоруном? Серьезный, очень занятый человек назначил специально время приема, а с ним не желают разговаривать! Это выходило за рамки приличия, было даже опасно! Но Васильев вел себя так, словно ничего не произошло.

Однако Сергей Тимофеевич знал, что делал. Он просто ставил себя в такое положение, когда в нем будут нуждаться. Для этого существуют свои психологические правила. Васильев вел себя в полном соответствии с ними. Он в какой-то мере провоцировал уголовного авторитета, словно не понимал, чем это может ему грозить, не проявлял перед ним никакого страха, в отличие от Воробья. Какой вообще может быть страх перед человеком, который минувшим днем убегал от него, петляя при этом как заяц?!

Глава 5

Полковник вошел в кабинет Говоруна, но пробыл там недолго. Уже через пару минут он вышел оттуда, а следом за ним появился и сам Говорун. Это был низкорослый, но широкоплечий мужчина, сплошь покрытый татуировками. Они выглядывали из-под полосатой рубашки, распахнутой на груди, а про руки даже и говорить не приходилось. Они были почти полностью синие.

Говорун шел неторопливо, раскачиваясь из стороны в сторону, словно желал показать свою кряжистость. Он остановился на пороге, сразу нашел взглядом отставного майора.

– Ну что же ты?... Сам просился на разговор, а теперь даже в кабинет зайти не желаешь! – высказался авторитет с некоторым любопытством в гибком голосе, всегда готовом с добродушных ноток сорваться на резкий крик.

Ему, похоже, был интересен человек, который не выказывал перед ним никакого пиетета и, кажется, очень уважал себя.

– Твои люди не пожелали меня пустить.

– У моих людей есть свои обязанности. Одна из них – не пускать ко мне никого с оружием. Вдруг ты захочешь меня убить!

– Если бы у меня было такое желание, то я подстрелил бы тебя еще вчера. До угла ты добежал секунд за пятнадцать. За это время я успел бы пустить в тебя пять пуль. Четыре из них обязательно попали бы в цель. Но я ни разу не выстрелил.

Говорун поморщился. Ему, конечно же, неприятно было вспоминать, как он убегал, трусливо подрагивая и задыхаясь. Этот тип был на год моложе Васильева, но не имел той тренировки и подготовленности, как у офицера спецназа. Слова Васильева заделали Говоруна, заставили его поморщиться. Однако это был только маленький эпизод, не способный испортить ему настроение. А слова майора уголовный авторитет нашел вполне правильными.

– А почему ты не стрелял? – спросил он.

– Ты же в меня не стрелял, был без оружия. Будь оно у тебя в руках, я выстрелил бы сразу, не раздумывая, как по твоим парням.

– У меня даже пистолета не было. Наверное, хорошая это привычка – не носить с собой оружия и надеяться на охрану. Как ты сам думаешь?

– Все зависит от уровня опасности и подготовки охраны. А она у тебя была бестолковая, хоть и с автоматами. Совершенно не подготовленная.

– Барон! – обратился Говорун к туберкулезнику. – Майор считает твоих парней неподготовленными.

– Они просто не подозревали о возможности такого отпора, поэтому ничего не успели предпринять.

– Охранник всегда должен быть готов к любому повороту событий, – заявил Васильев. – Тот, кто их посылал, должен был предвидеть и подобную ситуацию. Тем более что Садовник, за которого меня приняли, умеет просчитывать любое развитие событий. Он предпочитает действовать неожиданно и ждет того же от своих противников.

– С чего ты взял, что он это умеет? – поинтересовался Говорун. – Ты с ним знаком?

– Нет. Не знаком. Но киллер, который не умеет просчитывать все возможные ситуации, долго не живет. А этот продолжает стрелять до сих пор. Я слышал, что он делает это довольно неплохо. С ним следует держать ухо востро. Я не завидую тому человеку, который будет его недооценивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.